

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ПОВЕСТЬ

ВЛАДИМИР ХАМСНОВ

18+

Владимир Хаманов

Наблюдатель

«ЛитРес: Самиздат»

1995

Хаманов В.

Наблюдатель / В. Хаманов — «ЛитРес: Самиздат», 1995

Повесть – попытка исследовать странности восприятия, повесть – гипотеза о сущем, повесть – вопрос, повесть – загадка, которую вряд ли возможно отгадать, но всё-таки – попытка...

«...Сойти с ума, имея на то причину – в этом нет ни заслуги, ни подвига, но совсем иное дело утратить разум, когда для этого нет никаких поводов.»

Мигель де Сервантес Сааведра. «Дон Кихот»

...Тишина заполняет всё. Что-то серое ворочается в глубине, какая-то необъяснимая радость переполняет сознание с привкусом боли... Солнце – словно матовая лампочка... Мёртвый город... Сирена, изводящая своими приливами и отливами. Туман рассеивается, солнце превращается в ослепительное пятно; оно отскакивает от асфальта, стен, окон и врезается в глаза. Огромные штабеля железобетонных блоков, танки, беззвучно проезжающие по пустынным улицам... Жерла их пушек – врата в ничто. Они бесстрастны, они присланы собирать информацию об этом мире, и они рыщут по вымершему городу в поисках объекта исследования...

...Она стоит на балконе и смотрит вглубь комнаты; луна нимбом висит над её головой и её груди – ещё одна пара глаз – напряженно смотрят на меня.

«Тебе опять приснился кошмар?»

«Нет. Не может присниться то, чего не было и чего не будет...»

«Ты хочешь, чтобы я думала именно так, а не так, как хочу этого я?»

«А чего ты хочешь на самом деле?»

Тиканье дешёвых ходиков – метроном, отсчитывающий музыку, звучащую за пределом слуха. «Иди сюда.»

«Не хочу.»

«Тогда оставайся там...»

«Я не хочу и этого.»

Её лицо наплывает на меня, заслоняет лимонные окна, её губы произносят слова, но кто-то выключил звук; они шевелятся на неподвижном лице, словно живут самостоятельной жизнью.

«Где ты?»

Темнота. Это её крик. Она плачет?

«Почему ты плачешь?»

«Где ты? Кто здесь?»

«Здесь только ты и я.»

«Но я тебя не вижу!»

«И я не вижу тебя. Мы теперь нечто иное, не он и она, а – оно...»

«Мне страшно...»

«Это глупо.»

...Она спит. Почему она спит, когда я не могу уснуть?

...Море, полное звёзд в глубине, сипло дышит. Душная ночь. Какие-то тени бродят среди кустарника. Опоздавшее облако спешит за своими родственниками на юг...

Холодный пол приятно холодит ноги. Шорохи, скрипы досок...

Она вздыхает во сне. Я сажусь на пол рядом с кроватью, смотрю на её временно умершее лицо... Но почему временно? Она мертва. Да, она мертва, она дышит, но она мертва...

Неужели у смерти такое глупое лицо? ...Сосновый гроб, кладбище, похожее на помойку, вывороченная земля, пропитанная тленом... Кого это хоронят? Пьяный могильщик – обязательный атрибут ритуала смерти.

«Не всё ли вам равно?»

«Это её хоронят?»

«Нет. Её похоронить никак нельзя. Закапывают манекен.»

«Зачем?»

«Зачем?» – могильщик держится за лопату, чтобы не упасть от смеха...

Я иду по мертвым жёлтым листьям к гробу.

«Что ты видишь?»

Она молчит. Она дразнит меня?

«Что ты видишь?!»

«Не кричи.»

Она открывает глаза.

«Ничего не вижу.»

«Почему?!»

Она поворачивается на бок в постели и дотрагивается рукой до моего лба.

«Ты болен?»

«Не знаю.»

Она встаёт, ходит по комнате; я не могу понять логики её движений – они кажутся бессмысленными – проводит пальцем по книгам, щёлкает по листку цветка и, завершая какой-то таинственный обряд, останавливается посреди комнаты, разглядывая всё так, словно видит эту комнату в первый раз. Проводит руками по бёдрам, животу, груди... Закидывает руки за голову, изгибаясь всем телом...

«Я есть хочу.»

...Жёлто-зелёная кухня, кровавый абажур, шипящая яичница. Она жадно пьёт холодную воду, и капли воды стекают по горячему телу, пахнущему чем-то животным... Забирается с ногами на стул и начинает наматывать на палец руки волосы лобка... Закипающий чайник истерично гремит крышкой...

«Не выдумывай.»

«Что? Что «не выдумывай?»»

«Чушь.»

«Я не выдумываю. Я вижу. Ешь», – ставлю перед ней яичницу.

«Пусть остынет... Я не умирала.»

«А что же тогда?»

Она притягивает мою голову к своему животу, я ощущаю его горячность, его колыхание, биение какой-то жилки под кожей. Она запускает свои руки мне в волосы и лохматит их.

Я отстраняюсь, смотрю ей в глаза: она улыбается, но не мне – её взгляд проходит беспрепятственно сквозь меня... Я провожу языком по её соску, она вздрагивает и глядит мне в глаза.

«Ты вернулась?»

Теперь она улыбается мне.

«Где ты была?»

«О! Хочешь устроить мне сцену? Ты играешь не по правилам...»

«Я закурю?»

«Кури.»

...Дым уплывает в открытое окно. Я играю не по правилам: забыл роль, несу отсебятину, я запутался в простом и не могу собрать в целое гору бессмысленных деталей, которые раньше двигались и жили. Что происходит? Почему я участвую в этом, когда должен был бы только наблюдать, не имея права на собственное мнение... Все построения, все формулы летят в бездну... Почему? Где эта ошибка, в чём она? Когда я переступил черту, за которую нельзя переступать?

«Задавать вопросы легче, чем отвечать на них,» – говорит она с набитым яичницей ртом...

...Лица, фигуры, тени... Они движутся, что-то делают... Белая комната с красным полом... Железное звяканье инструментов...

«Мы его вытащили,» – голос из ниоткуда, возникающий прямо в мозгу. Боль. Невыносимая боль, что нет сил закричать... Отрезанные уши, обожжённые руки, кастрированные фаллосы, Босх на стене, лезущей в глаза, головы, насаженные на пики.

«Где я?»

«На фабрике,» – каждый звук голоса бьёт с ужасающей силой в лоб.

«Что со мной?»

«Вам нужна реконструкция и мелкий ремонт...»

«Говорите потише...»

«Что?» – раскат грома.

«Говорите потише...»

Всё расплывается, несётся куда-то в сторону, я вижу только тело на белом столе, раскрашенном странными ярко-красными пятнами...

«Чёрт, мы его опять теряем!» – бесчисленное множество голосов сплетается в канонаду разрывов... Тишина. Слово выключили магнитофон. Музыка. Хор. Звуки. Система звуков нисходящая с недостижимых вершин... Музыка вибрирует, проникает в меня, я начинаю биться в такт внешнему пульсу... Я чувствую движение вокруг, нет, это я сам начинаю двигаться, а всё на самом деле остаётся на месте, я несусь через построения непонятной гармонии, через толщу бесчисленных звуков... Всё быстрее и быстрее; музыка разрешается невообразимым аккордом, который начинает нестись за мной вослед... Он звучал всегда и будет звучать вечно. Он пронизывает мой мозг миллиардами острых иголок; я слышу его во всех диапазонах – от запредельных дискантов, до утробных басов, каждое колебание, каждый обертон... Я – пустота, определённая извне неким полем, голубым сиянием искр...

«...Боже, как ты меня напугал!» – она сидит на казенном стуле с инвентарным номером 220870 у изголовья моей постели... Серая комната...

«Здесь пахнет смертью.»

«Что?» – она недоумённо смотрит на меня.

«Здесь пахнет смертью... Я умер?»

«Нет, ты жив. Всё будет хорошо, ты поправишься...»

«Откуда эти звуки?»

«Какие звуки?»

«Слышишь?»

«Это радио.»

«Что передают?»

«Баха.»

...Вселенная в кружке с бразильским кофе: при рождении она движется, несётся во всеобщем круговороте, но вот её кружение замедляется, она начинает растворяться в чёрно-коричневой пустоте... Охлаждается и умирает...

... «Знаешь, у меня такое чувство, будто из меня вынули что-то и не поставили обратно на место... Так, наверное, чувствует себя машина, когда из неё выбрасывают кажущуюся не нужной

деталь...»

«Ха!» – усмехается таксист, везущий куда-то меня с нею. Она смотрит в запотевшее окно: мимо мелькают размытые тени.

«Это дождь?.. Мы едем домой?»

«Да» – как устало звучит её голос...

«Да» – дождь или «да» – домой?»

«И то и другое...»

«Я долго умирал?»

Шофёр смотрит на меня в зеркальце заднего вида.

«Полгода» – отвечает она. «Сейчас уже осень.»

...Осень... Серое небо. Лысеющие тополя... Запущенный парк... Горький дым от костров с горящей листвой... Открытое дешёвое кафе, столики в белой облупленной краске... Бездомный пёс с глазами святого великомученика сидит у мангала в бессмысленной надежде получить кусочек липкого, красно-сиреневого мяса...

Это один из осенних дней, когда на улице до странного тепло, сыро и неудобно...

Она просит меня купить шашлык для собаки. Я иду к мангалу, где колдует заросший щетиной грузин и покупаю порцию жареного мяса. Отдаю его собаке, и пёс на глазах превращается в жалкое создание, мучимое голодом. В его глазах появляется блеск раболепия, а завораживающая печаль в осмысленном взгляде исчезает бесследно... Он виляет хвостом, он готов оказать любую услугу... Куда исчезает его одухотворенность? Мне становится противно и я ухожу вглубь парка. Она догоняет меня, а следом за нами семенит пёс...

Мне стыдно... Как жалость унижает нас и жалеемых нами... Я прогоняю пса, а он всё равно плетётся следом...

...Старая, гниющая эстрада, скамейки... Она танцует менуэт, скользя по мокрым доскам сцены.

«Скажи, чтобы ты делала, если бы я умер?»

«Ничего.»

«Совсем?»

«Нашла бы себе другого.»

«Но ты бы помнила меня?»

«Не знаю.»

Собака, добровольно продавшая свою свободу за кусок мяса, лежит у меня в ногах. «Как мы назовём его?»

«Максом.»

«Максом?»

«Да. У нас с мамой был пёс и мама звала его Максом». Она спрыгивает со сцены и бежит ко мне.

«У тебя была мама?»

«Почему была? – удивляется она. – Мама жива.»

Она хватается за уши и играет ими – Макс терпеливо сносит её выходку и улыбается, высунув язык.

«Смотри! Он улыбается!» – кричит она и прижимает к груди собачью морду.

...Таксист включает магнитофон, из которого начинает выпирать какая-то пошлая музыка с ещё более пошлыми словами. Движение укачивает и я проваливаюсь в дрему...

«Ну, вот мы и дома,» – говорит она.

Я открываю глаза: машина стоит у подъезда.

...Сквозняки на лестничных клетках, развороченные почтовые ящики... Исписанные стены... «Здесь что, была война?» – спрашиваю я.

«Нет, просто дети выросли и теперь самоутверждаются.» – она открывает коричневую дверь и заводит меня в прихожую...

...Липкая летняя ночь. Кончится ли она когда-нибудь?

«Иногда мне кажется, что ты...»

«Сумасшедший?»

«Нет – она усмехается. – К этому бы я как-нибудь приспособилась... Тут другое...»

«Что же?»

Она ложится на меня сверху и я чувствую жар между её ног...

«Мне кажется, что ты не отсюда...»

«То есть?»

«Ну, не из этого мира... Из иного...»

«Ты думаешь – подобное возможно?»

«Кто знает, что возможно, а что нет?»

«Хорошо. Предположим, я из другого мира... Это пугает тебя?»

«Нет,» – она качает головой.

«Это неприятно?»

«Нет.»

«Каково же это тогда?»

Её язык проскальзывает под мой...

...Может быть всё это иллюзия? Или иллюзия иллюзии? Явь, сон? Да, сон, детский сон с голубым небом и белыми ватными облаками, висящими так низко, что кажется – приставь к ним лестницу и можешь забраться на них...

Но как я могу помнить и ощущать, если всё это было не со мной? Более того – вообще не было... Почему я никак не могу собрать воедино то, что знаю и то, что чувствую? Почему возможность потерять так угнетает? Бред? Нет, сумасшествие было бы избавлением от муки

мышления. Мне кажется – я забыл что-то очень важное... Но что? Память подсовывает какие-то эпизоды, о которых я и не подозревал... Или это не память?

Надо сосредоточиться: я, наверное, оперирую непроверенными данными... Но даже если это и так – как проверить их несоответствие настоящему?..

...Она на кухне. Будто сошла с картин малых голландцев. Готовит ужин. Режет лук. Плачет.

«Тебе больно?»

«Нет.»

«Почему ты плачешь?»

«Лук.»

«При чём здесь лук?»

«Погуляй с Максом пока я готовлю.»

«С кем?»

Она поднимает на меня глаза. Слезы уже высохли и в её взгляде... не могу определить что: лёгкое беспокойство? настороженность?

Стало как-то вдруг холодно – я чувствую за спиной присутствие какого-то существа... Оборачиваюсь – собака...

«Хорошо,» – горло почему-то пересохло и слова больше походили на хрип, чем на речь...

Мы идём с собакой в ближайший сквер, грязный снег хлюпает под ногами, я сажусь и наблюдаю за псом: тот носится от дерева к дереву, лая на ворон.

Как всё сложно. Сколько условностей. Взять хотя бы пса – он состоит из тех же молекул, что и вороны, на которых он лает. Только они соединены в другом порядке... И так всё вокруг. Во всём можно найти систему и перекроить на другой лад, чтобы получить нечто иное...

Но чувства... Возможно ли перевести их в формулы, какими бы сложными те ни были? Каждый раз, когда кажется, что нашёл ключ к решению задачи – всё переворачивается с ног на голову и приходится начинать сначала...

...Она ведёт меня на выставку в музей...

На белых стенах – кроваво-золотые квадраты и прямоугольники...

Гнусавый голос экскурсовода распространяется об иконописных школах в соседнем зале...

Лики... Почему-то не приходит на ум назвать это как-то иначе: все остальные слова не уместны.

И до смешного просто – доска, краски, смешанные в определенной пропорции, лак... Но – если бы всё... Взгляды. Они движутся за нами, от них невозможно укрыться, их чувствуешь спиной, кожей, через расстояния и препятствия...

«Мне не по себе... Пойдем отсюда.»

«Что такое?» – спрашивает она, не отрываясь от какой-то иконы, словно играет в гляделки с изображённым на ней святым...

Я отхожу к окну и смотрю на клёны, растущие у музея. Затылок начинает гореть – взгляды с этих мёртвых досок вползают в мой мозг, какой-то острый гудящий звук проделывает тоннель в голове от уха до уха...

Это всего лишь воображение, они не могут видеть – они мертвы, а живо только то, что движется и реагирует на раздражение... Написавшие их – давно стали глиной, а они – всего лишь слепки с трупов, бывших когда-то живыми. Нельзя, нельзя приблизиться к ЭТОМУ – оно тут же убьёт любого смельчака, а то, что он создал – останется уродливой попыткой достижения совершенства... Но зачем? Ради чего? Ради этого глупого висения на белоснежных стенах? Разве мудро искать красоту в мёртвом? И бесполезно пытаться запечатлеть живое? Ведь оно всегда грубее, оно пахнет потом, а не благовониями, оно ест простую пищу, а не небесный нектар... Зачем умерщвлять его, пусть и ради бессмертия?..

В зале оживление – входит группа людей в чёрном; какой-то церковный чин в сопровождении монахов. За ними семенит гнусавая экскурсоводша.

Взгляды потухают, теряя свою гипнотическую силу, замыкаются в себе, словно чёрные рясы напомнили им о чём-то больном...

Рядом с ней стоит старик, они разговаривают, не замечая ничего вокруг. Я подхожу.

«Здравствуйте...»

Старик оборачивается ко мне:

«Здравствуйте, здравствуйте!» – говорит он, наклонив голову на бок.

«Простите, что нарушил ваш покой – но вот увидел вашу спутницу и не мог себе позволить, чтобы такая красивая женщина скучала в одиночестве... Ещё раз прошу прощения и удаляюсь, дабы...» Он поклонился и направился к выходу из зала.

«Забавный старик.»

Она молчит, улыбаясь чему-то услышанному...

Старик останавливается в дверях:

«Вы верующий?»

«Я?»

«Да.»

«Нет.»

Он улыбается: «Впрочем, это не важно... Храни Вас Бог», – и исчезает в проёме дверей. Чёрные рясы гасят золотое сияние...

...У неё день рождения. Ужасный день. Множество каких-то малознакомых людей; школьные подруги, сослуживцы с сослуживицами.

Я хожу из комнаты в кухню и обратно, натыкаюсь на них везде... Какие-то безумные серьёзные разговоры о тряпках, детях, интригах, футболе... Экспериментальный театр без актёров; зрители сами играют пьесу. Импровизация на ходу. Абсурд.

У одной гостьи невообразимое лицо: глаза смотрят на соседа, а рот разговаривает с другим. Пытаюсь повторить её выражение лица, но не могу.

Она, как причина торжества, сидит во главе захлавленного стола: замечает мои гримасы и делает мне огромные глаза... Я выхожу на балкон, куда выдворен Макс, мешавшийся под ногами.

Двое субъектов курят, выясняя степень уважения друг к другу... Полный дом роботов, запрограммированных на самоуничтожение...

Всё в синем, сизом тумане...

Субъекты, побросав окурки – искры в темноту, уходят в комнату...

Макс шумно вздыхает.

«Собака, почему ты собака? Молчишь?»

Пёс искоса смотрит на меня и ложится, поджав лапы.

«Знаешь, Макс, что роза пахнет розой? Хоть розой назови её, хоть нет?..»

Иногда я ловлю себя на мысли, что завидую этому бездомному псу, его все терпению и умению молчать...

...Тёмная прихожая.

«Ну вот мы и дома.» – повторяет она. Её рука тянется к выключателю.

«Не надо. Не зажигай света.»

«Хорошо.»

Как здесь всё изменилось: я забыл эти вещи – шкаф, антресоли, вешалку, зеркало... И они забыли меня тоже; придётся снова учиться жить с ними.

«Что тебе сказали на фабрике?»

Она уже на кухне, ставит чай.

«На какой фабрике?»

«То есть... Я хотел сказать – в больнице. Что тебе сказали в больнице?»

Её силуэт появляется в проёме двери.

«Это зависит от того, что ты хочешь услышать...»

«Правду.»

Она, привалившись к косяку, спускается на пол:

«Врач сказал, что тебе осталось чуть больше года...»

Я сажусь рядом с ней:

«Он это знает или ему кажется?»

«А разве есть разница?»

«Наверное, есть. Хотя, может быть, и нет.»

Она опускает свою голову мне на колени.

«Что же со мною было?»

«Кома.»

«Как странно...»

«Что?»

«Полгода – нигде... Как в фильме: «Прошло полгода.» Или «Через год», или «Через десять лет.» Я опоздал на полгода. Мне придётся тебя догонять...»

«Зачем? Я же здесь...»

«Нет... Ты здесь такова, какова должна быть сегодня, а я – таков, каким был полгода назад, тот, каким я должен быть – стану мной только через полгода...»

Она закрывает мне рот рукой – я чувствую её теплые пальцы на своих губах.

«Помолчи, прошу тебя...»

...Беспощадный август... Божественный, насколько может быть божественным развратник.

За окном электрички несётся к закату истерзанная, безобразная земля и не менее усталые животные на ней.

Наши тела перемещаются в пространстве в угоду вымышленному смыслу; они движутся в такт ими же придуманному ритму, соблюдая все, собою изданные, законы...

Я боюсь никогда не постигнуть этого: я не чувствую, а то, что чувствую – какое-то подобие чувств, но если не предаваться самоуничтожению, то можно прийти и к противоположному – я чувствую то, чего не чувствуют остальные. Она не в счет.

Но с каждой секундой первопричина уносит нас друг от друга в разные стороны... Если бы понять её смысл в, казалось бы, бредовых вывертах... Одни многоточия... Словно студент с отчаяньем глядишь на невероятные тома, которые надо прочитать за ночь...

Вопросы выедают изнутри, они будто очередь с развитыми локтями – бьют больно и метко...

Отчего? Почему?

Она сидит напротив меня, погружённая в порядок обтрёпанную книгу...

«Что ты читаешь?»

«Стругацкие... «Трудно быть богом»

Трудно быть богом... Ещё труднее стать человеком... Ещё труднее быть чистым листом бумаги, изначально таящим в себе похабщину или шедевр; как белоснежный холст изначально содержит в себе все краски будущей картины...

...Темнота вливается в мозг, заливая собой все полутона и светотени...

Красные искры вспыхивают в бездне мрака... Покоя. Так хочется покоя; чтобы всё пришло хотя бы на миг в шаткое равновесие...

Бесконечный коридор с множеством дверей, потолок, посеревший от усилия, сдерживает огромные массы земли над собой. Продолговатые тела ламп, светящиеся холодным голубым светом...

Где-то за стеной, за одной из этих дверей, страшная бесшумная машина – она разлагает всё, что в неё ни засунут, на атомы, разгоняя их до невыносимых скоростей. Она бесстрашна, последовательна и логична. Она над временем и пространством – она измеряет их, ведёт отсчёт и хладнокровно констатирует происходящие изменения во вне...

Это часы. Огромные башенные, настенные, каминные, напольные, ручные, дешёвые и дорогие, механические и электрические... Система шестерней и электрических цепей, система безучастная и равнодушная...

Её движение в никуда из ниоткуда, из бесконечности в бесконечность пронизано смертельным холодом безжизненности...

Тысячелетия, исчезающие в железном механизме, уносят за собой жизнь, словно жизнь это то, что часы едят, как люди едят пищу для того, чтобы жить...

...Пустынный перрон. Дачная станция. Где-то здесь живёт её тетя со своим мужем. Она говорит – мы им «снег на голову»

Солнце касается горизонта, когда мы входим в дачный поселок. Косые рыжие лучи скользят по пыльной земле, по прибитой зелени...

Вечер конца лета не спутать ни с какими другими вечерами. Его особенный, уже чуть прохладный сумрак, невозможно спутать с майскими вечерами, предчувствующими зной лета, а августовские вечера – первое дыхание сна...

...Её тетя со своим мужем кормят нас ужином на веранде... Ветер шуршит в листьях черёмухи; тетя говорит безумолку...

«...Это, наверное, генетическая память – ведь наши с твоей мамой родители были крестьяне – всю жизнь на земле. И вот, хотите верьте, хотите нет, я, окончившая институт и университет, не могу найти наибольшего удовольствия, чем копанье в своём саду... Честное слово – сама не знаю что и откуда берётся; просто делаю по наитию и всё получается так, как я хотела...»

Приятная истома окутывает меня, проникает в тело, звуки становятся всё глуше и тише – я перестаю разбирать слова, только и вижу: открытая веранда, белоснежная скатерть на старом овальном столе, ультрамариновое небо, густеющее на глазах, тени на белом, крашеном потолке от красного абажура – какие-то мотыли бьются в его перевёрнутой чаше, картина отодвигается от меня; словно я зритель, любуюсь ею, то отхожу от стены, где она висит, то снова приближаюсь к ней... Тётин супруг курит через мундштук папиросу – синий дым вьётся прихотливо и непонятно: то бьётся тонкой острой струёй вверх, то вдруг начинает заплетаться в изысканные круговороты, зигзаги... Он сливается сам с собой, даёт побеги и отростки, он растёт в могучую крону тумана, плывущего под потолком, состоящего из ранее выдохнутых облаков и прибывающих к ним новых...

В углах притаился тёплый сумрак, словно какой-то зверь, ждущий, когда погасят свет и уйдут отсюда – тогда это его царство. На бревенчатых стенах выступают жёлтые тягучие капли смолы. Картина, где всё движется, живёт, обрамлена рамой наступающей августовской ночи.

Она улыбается, слушая тетю; помешивая ложечкой давно остывший чай, склонила голову чуть на бок... В глазах насмешливость и озорство; милая детскость, одновременно напускная и искренняя наивность, послушная проказница, терпеливо выслушивающая нравоучение, чтобы потом всё равно поступить по-своему...

Совсем не хочется покидать уютное плетёное кресло, эту веранду, не хочется не то что вставать, а двигаться вообще... Сидеть и наслаждаться теплом и покоем... Она заговорщицки смотрит на меня, и я понимаю – это мне не будет позволено...

... На окраине парка несколько старых домов, их скоро снесут. Разбитые окна – словно выжженные глазницы; из них ощутимо струится боль... Груды мусора; выброшенные хозяевами ненужные, старые вещи... Ненужные... Детская коляска, набитая промокшими подшивками журналов, ржавые остовы велосипедов, посуда с отколотой эмалью...

«Грустно, правда?»

«Что грустно?» – она ведёт пса, держа его за ухо.

«Рождались, жили, радовались, огорчались, умирали, а теперь... Теперь здесь пустота – будто ничего и не было. Лишнее брошено, а разве оно лишнее?»

Под ногами хрустят обломки патефонных пластинок...

«Пойдём отсюда,» – просит она.

...Это похоже на то, когда человек умирает на улице от сердечного приступа, а прохожие спокойно идут мимо думая, что он просто пьян...

...Я не знаю, где я и где она; мы лежим на промокшей от нашего пота постели, измождённые и усталые. Ни здесь, ни там. Нигде. Движения воздуха обдают нас тепловыми ударами, мы растекаемся, превращаемся в липкую, горячую субстанцию. То, чем мы стали, становится всё тоньше и тоньше, доходя до безумно малой величины; комната, дом, сад, всё покрыто нами – невысказанно тонкой, расплывающейся материей; чувствуется каждый камешек, каждая травинка, каждая песчинка на пляже; вот песок становится мокрым – невдалеке тёплая гладь моря, словно растопленное стекло, и мы вползаем на эту глянцевую поверхность и покрываем её собой, расплываясь всё дальше – к горизонту...

Мы останемся ЭТИМ, мы будем вечно, мы станем частью планет, звёзд и пространств...

...Выйдя из музея, идём по улицам, бесцельно выбирая путь; кругом люди, машины, множество звуков, словно сто оркестров играют каждый свою симфонию. Или даже нет – симфония

одна, только некоторые играют быстрее, некоторые медленнее, кто-то тише, а кто-то громче и звуки накладываясь друг на друга, бьются в каменных руслах, проложенных между домами...

«Ты помнишь, как мы познакомились?»

«Нет.»

«Вернее, как ты выбрала меня?»

«Я? Тебя?»

Её взгляд скользит по витринам. Она хватается меня за рукав и тянет в галантерейный:

«Никак я тебя не выбирала. Просто увидела и всё – ты мой. А я твоя. И чего ты об этом вспомнил?.. Есть тут где-нибудь туалет? Я писать хочу.»

Она исчезает в лабиринте отделов, а я стою у огромных стеклянных дверей и смотрю на улицу: броуновское движение, хаос – порядок беспорядка; всё куда-то несется, сталкивается, отскакивает, несётся дальше, траектории пересекаются, раздваиваются, сливаются... Частицы, движущиеся к им одним известной цели. Из пункта А в пункт Б – сюрреалистично до умопомрачения...

Вдруг... Улица пуста, словно никто и никогда по ней не проходил; я не вижу суеты молекул, я вижу лицо; оно притягивает взгляд. Параллельные прямые в неевклидовой геометрии пересекаются и уносятся в бесконечность пространства, чтобы больше никогда не встретиться вновь. Лицо, бесстрастное и холодное, с какими-то серыми пятнами, намёками на глаза и рот... Улица разрастается в площадь, которую окаймляет Нечто. Оно ревет вдалеке беззвучно и от этого безмолвного крика волосы встают дыбом. Посреди площади, мощенной булыжником, – железная бочка. Двое в серых костюмах волокут лицо к бочке, полной воды. Стрекотание киноаппарата – это кинохроника. Плёнка заезжена и исцарапана... Из лица вырастает туловище, руки и ноги. Они связаны; двое суют лицо в бочку; ноги дергаются, с одной слетает истоптанный ботинок, и камера наезжает крупным планом на голую пятку в порванном носке, на ней – пожелтевшая мозоль...

Беззвучный рёв сотрясает землю; киноаппарат падает со штатива; плёнка коробится, её разъедают язвы, она вспыхивает и сгорает до белого полотна экрана...

Кто-то дотрагивается до меня, я вздрагиваю и резко оборачиваюсь – это она.

«Что с тобой?»

«Ничего,» – сердце бьётся о рёбра не меньше скорости, с которой мелькали кадры в фильме.

Она недоверчиво смотрит на меня, потом вокруг... Не заметив ничего подозрительного, успокаивается, берёт меня под руку, и мы выходим из магазина...

...Безумный вечер закончился: последние надоевшие гости выдворены, на кухне мойка ломится от грязной посуды. Она снимает праздничное платье и надевает домашний халат...

Макс пирует остатками застолья.

Горячая вода хлещет по грязным тарелкам, смывает губную помаду с бокалов и рюмок.

Я обнимаю её за плечи.

«Не надо. Я устала...»

«Ложись спать, я всё вымою,» – отбираю у неё тряпку и выпроваживаю из кухни.

Когда, домыв посуду, я вхожу в комнату, она спит, свернувшись калачиком и сопит, как маленький ребёнок во сне. Вдруг начинает щемить сердце – её беззащитность, хрупкость... Я сажусь в кресло и смотрю на неё: доверчивость маленького зверька к чему-то огромному и сильному: «Ведь ты не обидишь меня, правда?»

Что же это такое? Раньше ничего подобного не было: все эти метафоры о сердечных болях и муках были всего лишь метафорами. Почему оно так странно болит какой-то ноющей, с приливами и отливами, болью?

Я ложусь на пол, рядом с кроватью; не хочу нарушить её сна, но боюсь заснуть и проснуться, обнаружив её умершей. Она не умрёт. По крайней мере сегодня. Это единственное, что я знаю точно...

... «Если бежать под дождём – промокнешь меньше.»

«Почему?»

«Ну, чем быстрее бежишь, тем меньше капель на тебя попадёт.»
Иногда на неё находит желание объяснять всё и вся на свой собственный лад.
«Ну, а если это не дождь, а ливень?»

«А в ливень нормальные люди сидят дома и вздрагивают от раскатов грома. Вот.»
«А ненормальные?»

«А ненормальные сидят в лу... Это ты про меня?»

Она терпеть не может зонтиков; говорит, что человек с зонтиком смахивает на голосу-ющего

идиота.

Надулась. Делает вид, что обиделась.

«Да нет же, ничего подобного!»

Само оскорблённое достоинство. Как умеет однако заставить почувствовать себя виноватым!

«Ну что ты? Честное слово – я не тебя имел в виду...»

«Кого же, интересно узнать?»

Пытаюсь поймать её за руку и притянуть к себе.

«Но-но, мужчина! Я буду орать: «Насилуют!»

«Ладно, сдаюсь; виноват. Признаю. Раскаиваюсь. Осознал. Прошу помиловать.»

Смягчается: «Ну-у не знаю, не знаю... Подумаю об этом на досуге... Посмотрю на ваше поведение.»

Она позволяет поймать себя. Я покусываю её ухо:

«Ах ты, маленький мерзкий прокурор!»

«Подсудимый! Попрошу без фамильярности!.. Кстати, вот наш автобус...»

По мокрой глянцевої улице движется нечто похожее на допотопного мастодонта: автобус подкатывает к остановке, на которой мы стоим, останавливается, открывает двери, пропуская нас вовнутрь. В его моторе брякают какие-то железки, он тяжело вздыхает, закрывая двери и начиная вновь двигаться по улице... Старый, больной, медленно умирающий зверь...

... «Почему ты – это «ты», а я – это «я»?»

«Ты хочешь сказать: почему ты стерва, а я зануда?»

«А если бы я была лысой, я бы нравилась тебе больше?»

«А если бы я был волосатым, как обезьяна?»

«Я бы ловила твоих блох.»

«Спасибо.»

«Не за что.»

Мы лежим на берегу реки. Яркий солнечный день. Мальчишки, купаясь, мутят воду. Она загорает, а я просто лежу рядом, как нечто само собой разумеющееся. Временами мне начинает казаться, что я – всего лишь какая-то часть её и предназначен для того, чтобы она чувствовала себя комфортно. Один из множества органов, составляющих её тело. Не больше.

«Как ты думаешь – мы не слишком шокировали тетю?»

Я начинаю смеяться. Она снимает чёрные очки и недоумевающе глядит на меня:

«Чего ты смеёшься?»

«Да так, ничего...» – я разбегаюсь и ныряю с берега в воду...

...Просторный зал, особенная тишина... Здесь как-то по-домашнему уютно, хоть и нельзя развалиться в кресле и надеть тапочки. Мне нравится приходить сюда, особенно осенью или зимой. Длинные и высокие стеллажи с наполняющими их книгами, определяют границу между двумя мирами...

Какое удивительное чувство – открыть книгу и оказаться столетие или тысячелетие назад... Спорить с Платоном, слушать Гомера, смеяться шуткам Сервантеса и эпиграммам Горация...

Время здесь прихотливо – оно зависит от автора. Книги напоминают кулинарные блюда и кондитерские изыски. Есть красивые, лёгкие и изящные на вкус как кремовые палочки, сладкие, приторные как пирожные и торты; комедии положений – похожи на винегреты, трагедии – на тяжелые мясные блюда. Есть терпкие, как кофе, пьянящие, как молодое вино, крепкие как спирт и ядовитые, как самогон; есть бульоны, супы, холодные и горячие; есть приправы: перец, аджика, сельдерей, петрушка, укроп, горчица...

И есть книги, похожие на хлеб; их читаешь снова и снова, каждый раз ощущая что-то новое в этом давно знакомом и старом. Поваренная книга Дюма-старшего – не бред выжившего из ума

старикана – он-то в этом знал толк; создать новое блюдо, написать новый рецепт – всё равно, что написать книгу; проза это или поэзия...

«Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать...» Но вкус ощутить можно.

...Иногда за окном идёт дождь или снег, и так не хочется уходить отсюда, покидать это убежище, этот островок, где всё живет по своим собственным, отличным от внешнего мира, законам...

Яркие пятна ламп на столах, пожелтевшие и посеревшие страницы томов...

Очкастая девушка-библиотекарша безнадежно влюблена: в прошлом месяце она болела Тургеневым, в позапрошлом – Толстым, а в этом – без ума от Петрарки...

Временами она плачет за своей конторкой так тихо и неслышно, что не замечает этого сама. Я читаю то же, что и она; только она читает оттиснутые на бумаге слова, а я их читаю на её лице: сегодня она в Шекспире. «Ромео и Джульетта»:

«Джульетта пробуждается.

Джульетта:

О, монах!

Где мой супруг? Я сознаю отлично,

Где быть должна. Я там и нахожусь.

Где ж мой Ромео?

(Шум за сценой.)

Брат Лоренцо:

Слышишь, кто-то ходит.

Уйдём скорей из этого гнезда

Заразы, смерти и оцепененья.

Другая сила, больше, чем моя

Предупредила нас. Идём отсюда...

У ног твоих лежит твой мёртвый муж

И с ним Парис. Поторопись. Ты вступишь

Монахиней в обитель. Поспешим.

Не спрашивай меня. Подходит стража.

Джульетта, торопись! Мы на виду.

Джульетта:

Ступай один, отец. Я не пойду.

(Брат Лоренцо уходит.)

Что он в руках сжимает? Это склянка.

Он, значит, отравился? Ах, злодей,

Всё выпил сам, а мне и не оставил.

Но, верно, яд есть на его губах.
Тогда его я в губы поцелую
И в этом подкрепленье смерть найду.
(Целует Ромео.)
Какие тёплые!
Первый сторож:
Где это место?
Веди любезный.
Джюльетта:
Чьи-то голоса.

Пора кончать. Но вот кинжал по счастью.
(Схватывает кинжал Ромео.)
Сиди в чехле.
(Вонзает его в себя)
Будь здесь, а я умру.
(Падает на труп Ромео и умирает) »....

Глаза за стёклами очков юной библиотекариши предательски блестят... Я встаю и ухожу, не дожидаясь закрытия. Слишком много прочитано книг, чтобы стать счастливым...

...Странно возвращаться из других измерений в это: всё кажется тесным, маленьким...

Резкие запахи заставляют вздрагивать, и тогда я чувствую своё тело. Не знаю только, моё ли оно? Руки где-то так далеко, а до ног я не успеваю добраться – наступает ночь, я снова куда-то проваливаюсь; там нет никаких ориентиров, нет ощущений, там ни плохо, ни хорошо. Там даже не страшно. Там просто – никак...

Она приходит каждый день, сидит у постели и держит меня за руку. А может быть не меня. Я не уверен. У меня нет сил шевелить губами, и я смотрю ей в глаза: в них столько боли... Неужели я принес ей столько страданий?..

Я чувствую работу. Эти в халатах что-то делают: какие-то странные вещи – это похоже на шаманство. Что-то меняется вокруг, но неуловимо и необъяснимо, как похождения мухи на ослепительно белом потолке. Наверное, ночью я проваливаюсь в него. Он – то самое ничто.

Иногда мне кажется – я начинаю понимать муху; что-то осмысленное проступает в её танце, какие-то смутно знакомые символы; я начинаю понимать её грамматику и её логику, но тут приходит медсестра с каплями и порошками; контакт утерян и муха выделяет на потолке несусветную чушь...

...Она раздевается каждый раз по-разному – смотрю на неё с любопытством: иногда устало и обречённо, а иногда нетерпеливо и страстно... Иногда мы занимаемся любовью долго и нежно, а иногда – как звери; кусаемся, царапаемся... Случается, она забывает о моём существовании – в ней просыпается нарциссизм: кроме отражения в зеркале для неё нет никого и ничего. Тогда я ухожу на кухню: ей не нравится, когда я на неё смотрю в это время... Но так хочется узнать, что она думает в этот момент? Только она выгоняет из комнаты даже Макса, подозревая пса в сговоре со мной. Лишь зеркало и она. Она и отражение. Я думаю, она сбегает туда, по ту сторону стекла. Есть там что-то, что притягивает её к себе, потому что когда она возвращается оттуда, она чужая... Это чувствуется. Очень отчётливо. Правда не долго – несколько секунд и она снова здесь...

...В сквере появляется мужчина с пуделем на поводке.

Макс делает стойку, забыв о воронах. Мужчина отпускает свою собаку и идёт к скамейке, на которой сию я.

«Здравствуйте!» – здоровается он со мной.

«Здравствуйте...»

Наши собаки, закончив процедуру знакомства начинают вместе носиться за воронами.
«Я думаю, мы с вами в чём-то схожи.»

«Вы думаете?»

Он указывает на Макса и своего пуделя: «Ну нашли же общий язык наши с вами питомцы.»

«Это верно. А вы музыкант?»

«Вы угадали! – удивлен: – Мы встречались где-то раньше?»

«Нет, – говорю я – не встречались. Но мне почему-то показалось, что вы обязательно должны быть музыкантом...»

«Это интересно,» – он смахивает липкий снег со скамейки и садится рядом.

«Интересно, – повторяет он – я действительно музыкант. Скрипач.»

«... Не проси об этом счастье, отравляющем миры...»

«... Посмотри в глаза чудовища... – подхватывает он – Это моё любимое стихотворение...»

«Знаете, я завидую вам...»

«Чему?» – он улыбается улыбкой всё познавшего, умудренного человека...

«Музыка завораживает... Каждый инструмент поёт о своем, но скрипка... Скрипка... Я даже не могу объяснить этого... Словами невозможно описать...»

«Я понимаю вас, – скрипач вздыхает – А вы знаете – раньше, в детстве, я её ненавидел...»

Сейчас смешно об этом вспоминать, но тогда... Зло я представлял однозначно – скрипка. Да, да! Всё было именно так! Ну представьте себе – восьмилетний мальчуган. Каникулы. Лето. Во дворе футбол. Казаки-разбойники. Масса неизведанных впечатлений... Меня просто тянуло во двор, а тут – ежедневные занятия, бесконечные гаммы, эта скрипка и смычок, к которым был прикован невидимой цепью... Незаслуженное наказание, высшая несправедливость... Открытое окно дразнило, а я мучил скрипку, мстя ей за своё заключение... Но потом... Что-то произошло... Она перестала визжать под моим смычком, и я услышал собственный голос... Я никогда не пел – терпеть не мог сольфеджио – это было ещё более жестокой пыткой, но голос был мой и не мой одновременно: мне казалось – я её терзаю, а она звучала тем, что было во мне... В тот день всё перевернулось: меня невозможно было оттащить от неё... Родители, если бы и захотели, не смогли бы даже силой выгнать меня на улицу – эти прыгалки, догонялки стали казаться глупым занятием, а она, скрипка, дала мне возможность говорить с самим собой и со всем миром... Я стал замечать, что всё стихает, когда я играл на ней: я выглядывал во двор – и все, кого музыка заставляла, смотрели на наше окно...

Я смущался, убегал вглубь комнаты и не верил сам себе и собственным рукам, не верил этой скрипке, что мы можем заставить людей обо всём забыть и слушать музыку... И становилось страшно от той силы власти, которой мы со скрипкой стали обладать...»

Он смолкает, смотрит в небо над голыми деревьями...

«Мне пора,» – он встаёт, протягивает мне руку: «Спасибо вам: вы замечательный слушатель.»

«Не за что... А вы – замечательный рассказчик...»

«До свидания. Всего вам хорошего,» – он зовёт своего пуделя и они вместе уходят из сквера.

Макс недоумённо глядит на меня.

«Ну что ты хочешь? – говорю я ему – Рано или поздно всё кончается. Не переживай – ещё увидишься со своим другом...»

... Я смотрю на её руки; на запястьях тонкие шрамы...

«Что это? Ты хотела умереть?»

«Я не хотела жить...»

«Это было давно?»

«Да. Десять лет назад. Я была глупой дурой.»

«А теперь?»

«А теперь – умная дура.»

Она утыкается лицом в мою грудь...

«Было очень больно?»

«Невыносимо.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.